

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Родников Н.

**УЧЕНИЕ
БЛАЖ. АВГУСТИНА
О ПРИНУЖДЕНИИ
В ДЕЛЕ ВЕРЫ**

, 1898, I, . 1–24

©

«

» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин

2009

Н. Родниковъ.

УЧЕНІЕ
БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

О ПРИНУЖДЕНИИ ВЪ ДѢЛѢ ВѢРЫ.

ТРЕТІЙ ВЫПУСКЪ ПАТРОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА ЖУРНАЛА
ПРАВОСЛАВНЫЙ СѢБЕСЪДНИКЪ ЗА 1898 ГОДЪ.

*Напечатанъ на средства Высокопреосвященнѣйшаго
Арсенія, Архієпископа Казанскаго и Свіяжскаго.*

КАЗАНЬ,
Гипо-Литографія Императорскаго Университета.
1898.

Печатать дозволяется Антоній Епископъ Чебоксарскій, Ректоръ Академи

УЧЕНІЕ

Блаженнаго Августина о принужденіи въ дѣлѣ вѣры ¹⁾.

Принужденіе въ дѣлѣ вѣры допускали и многіе изъ предшественниковъ блаженнаго Августина—писатели церкви четвертаго вѣка. Точно также еще въ четвертомъ вѣкѣ высказывали свои замѣчанія противъ него и раскольники донатисты. Потому, въ то же время существовали и первые попытки примиренія его съ христіанскимъ ученіемъ. Но возможно полное и болѣе или менѣе основательное оправданіе принужденія, съ христіанской точки зрѣнія, первый разъ было сдѣлано только блаженнымъ Августиномъ. Къ его теоріи не прибавили ничего новаго, кромѣ крайняго вывода—смертной казни еретиковъ, даже и средніе вѣка.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ началѣ своей дѣятельности противъ донатистовъ блаженный Августинъ не сочувствовалъ принужденію. „Мое первоначальное мнѣніе, говоритъ онъ,

¹⁾ Изъ только что вышедшаго въ свѣтъ обширнаго сочиненія, подъ заглавіемъ: Ученіе Блаженнаго Августина о взаимномъ отношеніи между церковью и государствомъ. Выдержка печатается безъ ученыхъ цитатъ которія можно читать на 229—255 стр. указаннаго сочиненія.

состояло въ томъ, что никого не должно принуждать къ единству Христову, что нужно дѣйствовать словомъ, сражаться разсужденіемъ, побѣждать разумомъ, чтобы не имѣть притворными каѳоликами тѣхъ, кого мы знали открытыми ережиками“. Такого мнѣнія онъ былъ до 497 года. До этого времени онъ желалъ отъ государства, чтобы оно преслѣдовало донатистовъ исключительно, какъ государственныхъ преступниковъ, за гражданскія преступленія, особенно, за извѣстныя грабежи и насилія циркумпелліоновъ—фанатиковъ изъ среды донатистовъ, соединившихся съ разными бродячими людьми Африки и образовавшихъ настояція разбойничьи шайки. Его требованія помощи отъ государства церкви не простирались далѣе защиты свободы самой православной церкви. „И, говорить блаженный Августинъ, со многими братьями, не смотря на неистовство донатистовъ всюду, не думалъ просить императора, чтобы онъ отнялъ право на существованіе у самой ереси, наказывая тѣхъ, которые желали бы оставаться въ ней, а издалъ бы только такое постановленіе, чтобы проповѣдующимъ каѳолическую истину не приходилось терпѣть жестокихъ насилій отъ нихъ.... Мы думали, что это до нѣкоторой степени возможно сдѣлать, если законъ благочестивѣйшаго Феодосія противъ всѣхъ еретиковъ примѣнить къ донатистамъ такъ, чтобы не всѣхъ епископовъ подвергали наказаніямъ, опредѣленнымъ въ этомъ законѣ, а только тѣхъ, въ областяхъ которыхъ каѳолическая церковь терпѣла какія-либо насилія... Такимъ образомъ, мы думали, что, при устраниніи ихъ, можно будетъ поучаться и укрѣпляться въ каѳолической истинѣ безъ принужденія, добровольно“. Въ этомъ смыслѣ была составлена и просьба отъ собора къ императорамъ. Но вслѣдствіе

жалобъ другихъ епископовъ, много потерцѣвшихъ отъ дона-
тистовъ и лишенныхъ ими даже кафедръ, императоръ Гонорій
рѣшилъ иначе: онъ постановилъ преслѣдовать ихъ не только
въ качествѣ собственно гражданскихъ преступниковъ, но и
какъ религіозныхъ. Тогда блаженный Августинъ согласился
и даже увидалъ въ этомъ дѣйствиѣ Божественнаго промысла:
„Божественное увеличивается милосердіе“, сказалъ онъ по этому
поводу.

Блаженный Августинъ развивалъ свои воззрѣнія на при-
нужденіе въ полемикѣ съ донатистами и соотвѣтственно воз-
раженіямъ, которыя дѣлали ему эти раскольники. Защищая въ
дѣлѣ религіи свободу, они, естественно, указывали, что при-
нужденіе противорѣчитъ какъ существу церкви, такъ и ея
внѣшней исторіи. Основными положеніями теоріи Блажен-
наго Августина были слѣдующія: принужденіе, хотя и не
требуется вѣрой, тѣмъ не менѣе и не противорѣчитъ ей, ни
какъ истинѣ, ни какъ дѣлу свободы; точно такъ же не проти-
ворѣчитъ оно и внѣшней исторіи ея, а фактически вполнѣ
оправдывается.

При разсужденіи о возможности принужденія блаженный
Августинъ исходитъ изъ понятія о цѣли или основномъ мотивѣ
человѣческихъ поступковъ. „Нужно не на то, говорить онъ,
обращать вниманіе, что принуждаютъ, а къ чему принуждаютъ-
ея добру или злу“. Различныя люди могутъ дѣлать одно
и тоже и однако одинаковыя, повидимому, поступки ихъ мо-
гутъ быть на самомъ дѣлѣ совершенно различными. Это за-
виситъ именно отъ того, съ какою цѣлію они дѣлаютъ. Добрые
люди въ своихъ поступкахъ руководятся добрыми цѣлями, и
потому ихъ поступки, каковы бы они ни были сами по себѣ,

безотносительно къ цѣли, всегда будутъ добрыми; наоборотъ, точно такіе же поступки у злыхъ людей будутъ имѣть характеръ зла. „Фараонъ истощалъ народъ Божій тяжкими работами (Исх. V гл. 9 ст.), Моисей тотъ же самый народъ за нечестіе подвергалъ жестокиѣмъ наказаніямъ (Исх. XXXII гл. 27 ст.); они дѣлали похужее, но не одинаково желали быть полезными: одного побуждало властолюбіе, другого воспламеняла любовь. Иезавель умертвила пророковъ, Илія умертвилъ лжепророковъ (3 Цар. XVIII гл. 4, 40 ст.), но различны заслуги какъ дѣйствующихъ, такъ и страдающихъ. Не такъ терпѣли гоненіе лжепророки отъ Илія, какъ самъ Илія отъ нечестивѣйшаго царя (3 Цар. XVIII гл. 4, 40 ст.). Точно также нельзя сравнивать страданія Господа, которыя причинили ему гонители, съ ударами бича, которыми Онъ самъ изгналъ торгующихъ изъ храма“. Поступки добрыхъ можно считать справедливыми и законными, а тѣ же самыя поступки злыхъ могутъ быть незаконными и несправедливыми. „Богъ Отецъ предалъ Сына своего, самъ Христосъ тѣло свое, а Іуда Господа своего; почему же Богъ, предавая, остается невиннымъ, а человекъ дѣлается повиннымъ, какъ не потому, что не одна причина одного и того же дѣла“. Потому гоненіе праведныхъ не можетъ называться даже и гоненіемъ или преслѣдованіемъ: „истина не гонитъ ложь“. „Царь былъ гонителемъ, когда бросилъ Даніила лвамъ, но былъ ли онъ гонителемъ, спрашиваетъ блаженный Августинъ, обращаясь къ донатистамъ, когда, по спасеніи его... бросилъ тѣмъ же лвамъ его враговъ?... (Дан. II гл. 6 ст.) Если былъ, то почему Даніиль самъ не воспротивился ему, такъ-какъ, вслѣдствіе дружества, могъ сдѣлать это очень легко. Если же царь послѣ этого не былъ гонителемъ,

такъ какъ вполне справедливо наказаль преступленіе противъ святого мужа, то какъ же вы намъ говорите, чтобы мы отвлекали царей отъ преслѣдованія людей. Но если за то, что подвергли опасности члены пророка, считалось заслуженнымъ подвергнуть такому наказанію, то какъ же должны наказывать цари такое преступленіе, какъ уничтоженіе таинства Христова. Точно также ясно, что царь былъ гонителемъ, когда трехъ отроковъ бросилъ въ огонь за то, что они не хотѣли поклониться статуѣ, но спрашиваю, — былъ-ли онъ гонителемъ, когда издалъ декретъ, чтобы злословящіе единого истиннаго Бога были казнены и дома ихъ опустошены?—Если былъ гонителемъ, то зачѣмъ вы послѣ словъ гонителя говорите: аминь? если же не былъ, то зачѣмъ вы называете гонителями тѣхъ, которые васъ удерживаютъ отъ злословія страхомъ“?. Принужденіе только тогда можетъ быть названо гоненіемъ или принужденіемъ въ собственномъ смыслѣ, когда принуждаютъ ко злу и удерживаютъ отъ добра, въ противномъ же случаѣ оно не гоненіе, а исправленіе: „добрые не гонять, а исправляютъ“. Нечестивые, когда терпятъ преслѣдованіе отъ благочестивыхъ, собственно не отъ нихъ терпятъ, а отъ своихъ дѣлъ. (Прем. XI гл. 21 ст.). Слѣдовательно, къ добру принуждать можно. „Обрати вниманіе, пишетъ блаженный Августинъ къ пресвитеру Донату, на слова апостола: кто епископства желаетъ, добраго дѣла желаетъ (1 Тим. III гл. 1 ст.); и однако къ этому доброму дѣлу многихъ принуждаютъ...., тѣмъ болѣе, слѣдовательно, должно принуждать васъ, чтобы отвлечь отъ пагубнаго заблужденія... и привести къ истинѣ“. „Вы заблуждаетесь, говоритъ онъ къ донатистамъ, если вамъ кажется, что къ истинѣ не должно васъ принуждать...,

вѣдь и Ниневитяне каялись насильно, такъ какъ это приказано было царемъ. Вообще: „благочестивый можетъ гнать нечестиваго и праведный неправеднаго“.

Какъ вообще принужденіе человѣкомъ благочестивымъ нечестиваго не можетъ называться въ собственномъ смыслѣ гоненіемъ, такъ не тождественна съ гоненіемъ и дѣятельность церкви, когда она принуждаетъ еретиковъ вступить въ нее. Она не гонитъ, такъ какъ истина не гонитъ ложь, не принуждаетъ оскверниться, а убѣждаетъ исцѣлиться. Какъ свободная Сарра притѣсняла служанку и апостолъ не назвалъ это гоненіемъ, такъ не гоненіе и принужденіе церковью еретиковъ. Напротивъ, въ этомъ со стороны церкви проявляется только одна любовь и забота о погибающихъ; она желаетъ всѣми средствами спасти ихъ отъ заблужденія—и писаніемъ, и словами, и временными наказаніями. Когда цари угрожаютъ вамъ, говорить такъ же бл. Августинъ донатистамъ, за ваше еретичество, то устрашаютъ не жестоко, а милосердно. Въ этомъ случаѣ они поступаютъ подобно Ангелу, который говоритъ Агари, изгнанной Саррой: возвратись къ госпожѣ своей (Быт. XIV гл. 9 ст.). Сопоставляетъ дѣятельность царей противъ еретиковъ блаженный Августинъ и съ отеческими наказаніями дѣтей. Какъ отецъ наказываетъ сына, чтобы исправить его, такъ съ цѣлью исправленія издаютъ противъ еретиковъ законы и цари. „Если вы возстаете противъ церкви Христа, говоритъ онъ донатистамъ, и отдѣляетесь святотатственной схизмой отъ единства христіанскаго, то вы нечестивцы и святотатцы, тѣже, которые за такое преступленіе... устрашаютъ васъ лишеніемъ мѣстъ, чести и богатства, чтобы вы сознали, за что терпите, отстали отъ созна-

наго вами святотатства и освободились отъ вѣчнаго осужденія,—тѣ не гнать васъ желаютъ, а исправить, какъ отецъ сына, и потому могутъ считаться не гонителями, а самыми прилежными исправителями и благочестивѣйшими совѣтниками“.

Если же. принужденіе церковью еретиковъ не можетъ считаться гоненіемъ, то естественно, нѣтъ основаній думать, что церковь воздастъ зломъ за зло, какъ говорятъ донатисты. „Когда истинная и законная мать—церковь дѣлаетъ то, что чувствуется жестокимъ и горькимъ, то она не зломъ за зло воздастъ, но налагаетъ благо ученія, изгоняя зло безпорядка“. Напротивъ, съ своей точки зрѣнія церковь воздавала бы зломъ за зло, если бы предоставляла заблуждающимся оставаться въ заблужденіи, не прилагая съ своей стороны всѣхъ возможныхъ мѣръ обращенія. „По истинѣ мы воздали бы зломъ за зло, если бы ради терпимости не предпринимали ничего, что могло бы нашихъ враговъ устранишь и исправить. Вѣдь, если бы кто нибудь увидаль, что врагъ его, вслѣдствіе очень сильной лихорадки, сдѣлался безумнымъ и бѣжить въ пропасть, то не воздалъ ли бы онъ зломъ за зло скорѣе въ томъ случаѣ, если бы допустилъ его бѣжать, чѣмъ въ томъ, если бы позаботился схватить его и связать. И однако онъ показался бы больному въ высшей степени непріятнымъ и враждебнымъ именно въ тотъ моментъ, когда онъ былъ ему въ высшей степени полезенъ и относился вполне милосердно. Но послѣ совершеннаго выздоровленія больной тѣмъ большую выразилъ бы ему благодарность, чѣмъ болѣе беспощаднымъ онъ казался бы ему въ то время“. Подобный же примѣръ бл. Августинъ видитъ и въ исторіи церкви—въ апостольское время. Такъ

ап. Павелъ велѣлъ коринѣскаго кровосмѣсника предать сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы спасенъ былъ духъ (Кор. V гл. 5 ст.), и этимъ, конечно, не воздавалъ зломъ за зло, но сдѣлалъ доброе дѣло, хотя и исправлялъ зло черезъ зло.

Если же принужденіе церковью еретиковъ не есть гоненіе и не свидѣтельствуешь, потому, что церковь воздаетъ зломъ за зло, то, слѣдовательно, вопреки мнѣнію донатистовъ, оно не лишаетъ церковь и права называться и дѣйствительно быть истинной. Иногда тотъ, кто терпитъ преслѣдованіе, несправедливъ, а справедливъ преслѣдующій. Ибо и Агарь терпѣла преслѣдованіе отъ Сарры (Быт. XVI гл. 6 ст.) и та, которая терпѣла,—несправедлива (*iniqua*). Иное дѣло, когда терпѣлъ Давидъ отъ Саула (1 Цар. XVIII, XIX гл. и др.). Потому, когда нечестивые преслѣдуютъ христіанскую церковь, то это несправедливое преслѣдованіе, но когда церковь преслѣдуетъ нечестивыхъ, то такое преслѣдованіе справедливо. „Если истинная церковь та, которая терпитъ гоненіе, а не та, которая его причиняетъ, то пусть спросятъ апостола, какую церковь прообразовала Сарра, изгнавшая свою служанку,—свободную мать нашу, небесный Іерусалимъ (Гал. IV гл. 22—31 ст.)“.

Изъ такихъ сужденій бл. Августина вполне послѣдовательно вытекала мысль, что православная церковь не можетъ признать за еретиками славы мученичества.

Самое первое и самое главное условіе истиннаго мученичества—это не простое только страданіе и терпѣніе, а, именно, страданіе за истину. Истинные мученики, по слову самого Господа (Мате. V гл. 10 ст.), тѣ, которые терпятъ гоненіе „правды ради“. Если же для истиннаго мученичества

достаточно бы было только гоненія, то Спасителю излишне бы было добавлять слова — „правды ради“. Но донатисты терпят не за правду, а за ересь. „Какъ они могутъ терпѣть за правду, когда раздѣляютъ церковь“. Они терпятъ не за истину и не за Христа, а за Доната или вообще за себя. „Истинѣ они, напротивъ, противятся, такъ-какъ противятся императорамъ, приказывающимъ должное, чрезъ которыхъ говорить сама Истина, самъ Христосъ Богъ, милосердно увѣщавая ихъ оставить заблужденіе“. — Затѣмъ, для того, чтобы быть истиннымъ мученикомъ, необходимо также владѣть и нравственными достоинствами и, особенно, руководиться въ своей жизни основнымъ христіанскимъ чувствомъ—любовью. Донатисты же, отдѣляясь отъ церкви, конечно, не могутъ сказать, что они удовлетворяютъ и этому условію; напротивъ, ими овладѣла гордость и высокомеріе. Это особенно проявляется въ томъ, что они, подвергаясь преслѣдованію, думаютъ стяжать себѣ славу мучениковъ самоубійствомъ. Они забываютъ, что три ветхозавѣтныхъ отрока не сами бросились въ огонь, а были брошены; забываютъ также, что самоубійствомъ не славу мученичества снискиваютъ, а совершаютъ великій грѣхъ. Безъ любви же, говоритъ ап. Павелъ, нѣтъ, и не можетъ быть пользы человѣку даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ и тѣло свое отдалъ на сожженіе. Потому и донатисты, подвергаясь преслѣдованію, „не имѣютъ ни земного утѣшенія, ни въ будущемъ вѣкѣ вѣчной славы...; въ этомъ вѣкѣ губятъ временныя блага, а по суду Христа получаютъ вѣчное наказаніе“. Такъ какъ и истина, и истинныя нравственныя качества, по мнѣнію блаженнаго Августина, могутъ быть только у членовъ церкви, у людей, находя-

щихся въ церкви, то и истинные мученики возможны только въ ней, каковы напр. были, которые терпѣли преслѣдованія отъ языческаго государства въ первые три вѣка; кто же терпитъ преслѣдованіе, не будучи въ ней, того она считаетъ нечестивымъ и, потому, подвергающимся наказанію отъ государства справедливо и законно. Разсуждая съ точки зрѣнія историческаго союза церкви съ государствомъ, бл. Августинъ считаетъ донатистовъ даже государственными преступниками. Вѣдь они еретики, а ересь у апостола Павла, безъ различія, вмѣстѣ съ идолопоклонствомъ относится къ дѣламъ плоти (Гал. V гл. 19 ст.). Наконецъ, бл. Августинъ ссылается также и на преступность ихъ часто въ строго гражданскомъ смыслѣ. Указывая на поведеніе циркумцелліоновъ, онъ говоритъ имъ: „вы живете какъ разбойники, а умирать хотите какъ мученики“.

Но допуская принужденіе церковью находящихся внѣ ея и не считая его незаконнымъ въ ея рукахъ, бл. Августинъ, однако, не отрицаетъ, что оно все таки явленіе не нормальное, терпимое только по необходимости. И ему кажется, что лучше бы было, если бы церкви не приходилось обращаться къ этому средству. „Конечно, говоритъ онъ, лучше бы, кто въ этомъ усумнится, если бы люди пришли къ истинному Богопочтенію путемъ наученія, чѣмъ принуждаемые страхомъ или скорбью наказанія“). Потому, если онъ и допускаетъ принужденіе, то именно, прежде всего, какъ средство приведенія заблуждающихся къ истинѣ, средство вразумленія, но не кары. Онъ желаетъ примѣненія его собственно только ради тѣхъ, на которыхъ оно можетъ повліять дѣйствительно благотворно, т. е. ради слабыхъ, не принадлежащихъ къ числу закоренѣ-

лыхъ и ожесточенныхъ враговъ церкви. „Многіе, которыхъ мы знали, говоритъ онъ, желали бы вступить въ общеніе съ католической церковью, но боятся насильственной ненависти погибельныхъ людей; конечно, ради справедливости и вѣчной жизни, они совершенно не должны бы на это обращать вниманія, но однако и такихъ слабыхъ, пока они не слѣпаются крѣпкими, нужно поддерживать, а не отчаиваться о нихъ. Не должно забывать, что Господь говоритъ еще неокрѣпшему Петру: ты не можешь слѣдовать за мной теперь, но послѣдуешь послѣ (Іоан. XIII гл. 36 ст.). Иныхъ удерживала также привычка, другихъ ложные слухи про католическую вѣру и т. п.,—всѣмъ имъ, дѣйствительно, страхъ предъ временными наказаніями былъ полезенъ“. Въ этомъ случаѣ, повторяетъ бл. Августинъ разсужденія Фирмика Матерна, страхъ наказанія является горькимъ, но цѣлительнымъ лѣкарствомъ. Наказаніе для такихъ натуръ не только позволительно, но и обязательно, и кто по истинѣ любитъ человѣка, тотъ признаетъ и пользу наказанія. „Не всякій, кто падитъ, другъ, и не всякій, кто бьетъ, врагъ. Лучше раны, нанесенныя другимъ, чѣмъ поцѣлуи врага; лучше любить со строгостью, чѣмъ обманывать съ нѣжностью“. Но блаженный Августинъ не отрицаетъ, что принужденіе полезно только для многихъ, но не для всѣхъ. „Страхъ временнаго могущества... для заблуждающихся и несогласныхъ полезное предостереженіе, а для безумныхъ бесполезное мученіе“. Въ виду также того, что принужденіе блаженный Августинъ считаетъ не карой, а средствомъ привлеченія къ истинѣ и при томъ средствомъ крайнимъ, онъ полагаетъ, что однимъ имъ ограничиваться не слѣдуетъ, что необходимо соединять его съ ученіемъ. „Если бы

стали, говоритъ онъ, только устрашать, въ то же время не поучая, то власть была бы жестокой, хотя, наоборотъ, если бы стали только поучать, не устрашая, то закоренѣлыя въ предразсудѣ гораздо медленнѣе приводились бы на путь спасенія“. Такъ, значитъ, по мнѣнiю блаженнаго Августина, въ дѣлѣ обращенiя должно употреблять и ученiе и принужденiе; но, все-таки, если ученiе возможно безъ принужденiя, то принужденiе безъ ученiя, по его мнѣнiю, не имѣетъ смысла. „Для многихъ, говоритъ онъ, бывало полезнымъ предварительно подвергнуться принужденiю страхомъ или скорбью, но чтобы, добавляетъ онъ при этомъ, они могли потомъ быть наученными словесно, или чтобы они осуществили то, чему научились уже словесно“. Императоры, потому, своими законами, такъ сказать, только побуждаютъ еретиковъ подумать о томъ, за что они терпятъ преслѣдованiе, но непосредственно къ истинѣ не приводятъ; законы ихъ являются только поводомъ обращенiя къ ней.

Сообразно съ такими сужденiями объ употребленiи и значенiи принужденiя въ дѣлѣ религiи бл. Августинъ указываетъ и примѣры. Они у него подтверждаютъ, именно, ту мысль, что оно возможно, имѣетъ право на существованiе, но только какъ средство вразумленiя, т. е. въ рукахъ любящаго и желающаго добра. Такiе примѣры онъ находитъ въ явленiяхъ обыкновенной общественно-гражданской жизни—въ отношенiяхъ родителей къ дѣтямъ, мужа къ женѣ, господъ къ рабамъ, военачальниковъ къ судьямъ и т. п.. Подобныя же примѣры указываетъ онъ и изъ священной исторiи Ветхаго и Новаго Заветовъ. „Ниневитяне калялись насильно, такъ какъ исполняли объ этомъ приказанiе своего царя... какое же дѣло было царской

власти?.. она нужна была потому, что среди нихъ были такіе, которые не позаботились бы и не повѣрили бы Божественной проповѣди, если бы не были уstraшены земной властью. Такимъ образомъ, „приказаніемъ царской власти... многимъ доставляется случай для спасенія во Христѣ; хотя и насильно, но и они приводятся на пирь Евангельскаго хозяина, пославшаго своихъ слугъ побудить войти (*compello intrare*) находящихся на дорогахъ и распутияхъ (Матѳ. XXII гл. 9, 10 ст. Лук. XIV гл. 21—3 ст. Или: „кто можетъ любить насъ болѣе, чѣмъ Богъ? И, однако, Онъ непрестанно не только съ нѣжностью учить насъ, но и спасительно уstraшаетъ. Съ короткими утѣшающими мѣрами Онъ соединяетъ часто даже сильное цѣлительное средство несчастія. Онъ испытываетъ голодомъ даже благочестивыхъ и богобоязненныхъ патріарховъ (Быт. XII, XXVI, XLII, XLIII гл.), непокорный народъ поражаетъ тяжкими наказаніями и не отнимаетъ отъ апостола послѣ троекратной просьбы пакостника плоти“. Но особенно поразителенъ въ этомъ отношеніи примѣръ обращенія ап. Павла въ христіанство. „Кто можетъ насъ любить болѣе, чѣмъ Христосъ, который душу свою положилъ за овецъ своихъ (Іоан. X гл. 15 ст.).... Но на ап. Павлѣ познайте, какъ Христосъ сначала принуждаетъ, потомъ поучаетъ, сначала бьетъ, потомъ утѣшаетъ. И удивительно, какъ этотъ, принужденный въ Евангелію тѣлеснымъ наказаніемъ, поработалъ въ благовѣстіи болѣе всѣхъ другихъ, которые были призваны однимъ только словомъ (1 Кор. XV гл. 10 ст.), и какъ совершенная любовь изгнала всякій страхъ въ томъ, кого въ любви принудилъ именно страхъ“. „Будемъ и мы любить враговъ такъ же, какъ Богъ, который... солнце свое сіяетъ на добрыхъ и злыхъ и

дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ (Матѳ. V гл. 45 ст.). Но, восхваляя такіе Его дары, будемъ помнить также и о бичахъ Его на тѣхъ, которыхъ Онъ любитъ“.

Здѣсь мы подходимъ къ другому возраженію противъ принужденія, основывающемуся тоже на понятіи о существѣ церкви и ея вѣры. Донатисты говорили, что принужденіе не мирится не только съ понятіемъ объ истинной церкви, но противорѣчить также и христіанскому понятію о религіи, какъ о дѣлѣ свободы.

Бл. Августинъ, собственно, не отвѣчаетъ на это возраженіе, а обходитъ его, устраняетъ. Онъ говоритъ, что наказаніе существуетъ не для того, чтобы принуждать къ добру, но чтобы только удерживать отъ зла, а наказываемые уже сами свободно могутъ избирать добро и могутъ слѣдовать или не слѣдовать ему. „Къ вѣрѣ, дѣйствительно, никого не должно принуждать, но... невѣріе обыкновенно наказывается бичами несчастій. Если добрымъ правамъ слѣдуютъ свободно, то неужели потому справедливый законъ не долженъ наказывать дурные... Потому, если и противъ васъ постановлены законы, говоритъ бл. Августинъ, обращаясь къ донатистамъ, то васъ не добро дѣлать принуждаютъ, но удерживаютъ дѣлать зло. Ибо никто не можетъ дѣлать добро, если не захочетъ самъ;... страхъ же наказаній... по крайней мѣрѣ, удерживаетъ дурную страсть внутри глубины помышленія“. Что дѣйствительно это возможно, въ доказательство бл. Августинъ указываетъ на привлеченіе людей Богомъ Отцемъ къ Богу Сыну (Іоан. VI гл. 44 ст.). Какимъ образомъ, разсуждаетъ онъ, Отецъ привлекаетъ людей къ Сыну, когда Самъ же далъ имъ свободную волю и... предоставилъ избирать, что угодно? И однако то и

другое истинно, хотя понять это могут не многие“. Точно также и законы, убѣждая принужденіемъ, не уничтожаютъ свободной воли. „Никто у васъ не отнимаетъ свободы воли, но вы какъ можно усерднѣе подумайте, что лучше избрать: исправленными ли жить въ мирѣ или, пребывая въ злости, сохранять имя ложныхъ мучениковъ“.

Что же касается вообще свободы воли, какъ права чело-вѣческой личности, то для блаженнаго Августина такого права не существуетъ. Блаженный Августинъ дѣлаетъ разграни-ченіе—между доброй и злой волей. Что Богъ далъ лю-дямъ свободную волю,—отсюда, говоритъ онъ, не слѣ-дуетъ, что никого нельзя принуждать; воля можетъ быть доб-рая и худая. И, по его мнѣнію, человѣкъ съ доброй волей поступаетъ даже милостиво, когда принуждаетъ человѣка съ худой волей, особенно, если пользуется властью, но, нужно добавить, съ цѣлью исправленія, или когда, слѣдовательно, не принуждаетъ собственно, а старается исправить. Если худой воля должно предоставлять свободу, то почему Израиль-тянъ столь сильными бичами удерживали отъ зла и силой вели въ обѣтованную землю?.. почему въ Писаніи сказано, что упорнаго сына нужно исправлять не только словами, но и тѣлесными ударами (Екклес. XXX гл. 12 ст.). Болѣе того, съ точки зрѣнія бл. Августина, можно даже сказать, что, когда добрые принуждаютъ злыхъ исправиться, то они, собственно, не отнимаютъ свободы воли у злого человѣка, а, напротивъ, возвращаютъ ей истинное ея назначеніе. Въдъ истин-ная свобода возможна только у человѣка, живущаго не по своей, а по воли Бога. Еретики принадлежатъ къ граду діавола и, слѣдовательно, къ числу людей, живущихъ не по

волѣ Бога, а по своей. Потому, когда церковь принуждаетъ ихъ вступить въ нее, то не волю уничтожаетъ, а только своеволие и развращеніе, или возвращаетъ волѣ ея истинную свободу.

Затѣмъ, донатисты указывали на противорѣчіе принужденія исторіи первыхъ вѣковъ христіанства, когда церковь распространялась исключительно словомъ, безъ всякаго содѣйствія, а, напротивъ, при противодѣйствіи царей.— Для блаженнаго Августина это доказываетъ только ту мысль, что церковь дѣйствовать принужденіемъ тогда не имѣла фактической возможности, такъ какъ свѣтская власть была языческой и не служила истинному Богу. Но это не значитъ, что она въ числѣ средствъ распространенія не можетъ имѣть мѣръ гражданской власти. Недостатокъ примѣровъ въ Новомъ Завѣтѣ съ избыткомъ восполняется у него исторіей Ветхаго Завѣта, исторіей еврейскаго народа, служившаго тѣнью и образомъ церкви Христовой. Езекия служилъ Богу, когда разрушалъ роши и храмы идоловъ и тѣ высоты, которыя были устроены вопреки заповѣдямъ Господа (IV Цар. XVIII гл. 4 ст.); подобнымъ же образомъ служилъ Іосія (IV Цар. XVIII гл. 4—5 ст.);... также служилъ царь ниневійскій, когда принудилъ весь городъ къ покаянію предъ Господомъ (Іон. III гл. 6—9 ст.); также служилъ Дарій, бросившій враговъ Даниила львамъ (Дан. XIV гл. 21, 41 ст.), Навуходоносоръ, запретившій строжайшимъ закономъ всѣмъ своимъ поданнымъ хулить истиннаго Бога. (Дан. III гл. 96 ст.).... Во времена же апостоловъ цари не служили Господу, даже безумно противились Ему и Христу Его, чтобы исполнилось все предсказанное пророками. Потому тогда законы, конечно, не

могли удерживать отъ нечестія, напротивъ, они способствовали его усилению. „Таково было то время, что и Іудеи умерщвляли проповѣдниковъ Христовыхъ, думая, что этимъ служатъ Богу, какъ предсказалъ Самъ Спаситель (Іоан. XVI гл. 2 ст.), и язычники свирѣпствовали противъ христіанъ, и всѣхъ ихъ побѣдило терпѣніе мучениковъ. Но послѣ того, какъ начало исполняться написанное: и поклонятся Ему всѣ цари земли, всѣ народы поработаютъ Ему (Псал. LXXI, 11 ст.), какой здравомыслящій человѣкъ скажетъ царямъ: не обращайтесь вниманія, пользуется ли миромъ церковь Господа вашего въ вашемъ царствѣ или подвергается нападкамъ; не ваше дѣло—желаетъ ли кто въ вашемъ царствѣ быть благочестивымъ или нечестивымъ,—точно такъ же, какъ нельзя сказать царямъ: не ваше дѣло, желаетъ ли кто въ вашемъ царствѣ жить цѣломудренно или развратно“.

Между прочимъ, опровергая возраженіе, основывающееся на исторіи, бл. Августинъ указываетъ также и на противорѣчіе самихъ донатистовъ, на обращеніе за помощью къ свѣтскимъ мѣрамъ ихъ самихъ.

Но если въ дѣйствительности можетъ обращаться за содѣйствіемъ къ свѣтской власти всякая религіозная партія, то тѣмъ болѣе по праву можетъ, по мнѣнію блаженнаго Августина, церковь истинная, православная. Она должна въ этомъ случаѣ слѣдовать примѣру ап. Павла, который, чтобы не быть убитымъ Іудеями, потребовалъ суда кесаря. Она проситъ, говоритъ онъ, помощи отъ христіанскаго императора не для того, чтобы мстить за себя, а чтобы оградить себя.... Ибо и апостолъ Павелъ не о своей преходящей жизни заботился, но о церкви Божіей, когда о замыслѣ намѣревавшихся его

убить сообщили трибуну (Дѣян. XXIII гл. 17—32 стр.).... Онъ ни мало не сомнѣвался призывать на помощь римскіе законы, по которымъ тогда не позволялось подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ римскаго гражданина (Дѣян. XXII гл. 25 ст.). Точно также онъ, чтобы не быть выданнымъ Іудеямъ, жаждавшимъ его смерти, потребовалъ помощи императора (Дѣян. XXV гл. 11 ст.) и даже римскаго, а не христіанскаго. Этимъ онъ достаточно показали, что должны послѣ дѣлать раздаятели тайнствъ Христовыхъ, когда найдутъ императоровъ во время бѣдствія церкви христіанскими. Потому, если церковь не обращается къ помощи свѣтской власти, то слѣдуетъ не терпѣніе ея хвалить, а, напротивъ, порицать, и справедливо, ея нерадѣніе.

Однако блаженный Августинъ не думаетъ, что церковь должна обращаться къ свѣтской власти тотчасъ же, какъ только въ этомъ будетъ малѣйшая нужда: сначала она должна, по его мнѣнію, дѣйствовать лишь своими нравственными средствами и только тогда прибѣгать къ помощи государства, когда онѣ окажутся недостаточными. Въ этомъ случаѣ различіе способовъ приглашенія на пиръ въ Евангельской притчѣ можетъ служить примѣромъ подражанія и для дѣятельности церкви. Господь сначала велѣлъ гостей на свой пиръ звать и уже потомъ принуждать. Онъ приказалъ своему слугѣ идти на распутія и принудить прійти (*сого, compello intrare*) на вечерю (Лук. XIV гл. 22 ст.), когда званные уже отказались.

Но самымъ лучшимъ оправданіемъ теоріи принужденія блаженному Августину служилъ опытъ его времени, который превзошелъ всякія ожиданія. Этотъ опытъ, какъ самъ онъ

говорить, главнымъ образомъ и примирилъ его съ принужденіемъ. Такъ, благодаря принужденію, переходили въ церковь даже такіе схизматики, какъ циркумцелліоны. „О если бы я могъ показать тебѣ, пишетъ бл. Августинъ къ епископу донатистовъ Винцентію, сколь много мы имѣемъ уже извѣстными каволиками изъ самихъ циркумцелліоновъ, которые осуждаютъ свою прежнюю жизнь и несчастное заблужденіе... Однако, они не достигли бы этого здравія, еслибы ихъ безуміе не было обуздано тѣми законами, которые тебѣ не нравятся“. Точно также, благодаря законамъ, оставили ересь не отдѣльные только люди, но и цѣлые города, которые прежде почти исключительно состояли изъ донатистовъ, какъ напр. и городъ Иппонъ, гдѣ былъ епископомъ самъ бл. Августинъ. „Теперь они отвращаются отъ діавольскаго раздѣленія и всецѣло любятъ единство. Вообще, благодаря гражданскимъ законамъ и физическому страху предъ ними многіе исправились и исправляются ежедневно. Которые прежде ненавидѣли, теперь любятъ, считали законы тягостными, теперь—цѣлительными, прежде были безумными, теперь, получивъ спасеніе, радуются. И при этомъ, большую часть, если не исключительно, обратившихся въ церковь составляютъ именно тѣ, которыхъ удерживали въ ереси предрасудки и, вообще, стороннія побужденія, не касающіяся вѣры. Такъ многіе изъ бывшихъ прежде донатистами говорятъ: „мы уже хотѣли этого; благодареніе Богу, давшему намъ случай въ исполненію желанія и положившему конецъ нашей нерѣшительности. Другіе говорятъ: мы знали, что это—истина, но не знаемъ, какая привычка удерживала насъ; благодареніе Богу, разрушившему наши узы и приведшему въ союзу мира. Иные говорятъ: мы не

знали, что здѣсь истина, и не желали научиться ей, но страхъ привелъ насъ къ познанію ея., благодареніе Богу, уничтожившему наше нерадѣніе страхомъ... Другіе говорятъ: мы страшились вступить въ церковь, вслѣдствіе ложныхъ слуховъ, ложность которыхъ мы никогда бы не узнали, если бы насъ не принудили вступить въ церковь благодареніе Богу, бичемъ изгнавшему изъ насъ опасенія и показавшему намъ ложь и пустоту рассказовъ, распространяемыхъ о церкви лживою молвой.... Иные говорятъ: мы считали безразличнымъ, гдѣ бы ни содержать вѣру Христову;—благодареніе Богу, собравшему насъ изъ раздѣленія и показавшему, что Ему единому и поклоненіе причлещуется въ единствѣ. Наконецъ, нѣкоторые соглашаются, что въ православной церкви истина, но сознаются, что имъ трудно оставить преданіе родителей.— Вѣсѣмъ такимъ людямъ страхъ законовъ, издаваемыхъ императорами, былъ полезенъ“.

Донатисты, конечно, не замедлили такимъ примѣрамъ противопоставить обратные случаи. Они указывали бл. Августину, что, съ другой стороны, нѣкоторые остались вѣрными сектѣ и существованію принудительныхъ законовъ, и, особенно, обращали его вниманіе на тѣ случаи, когда нѣкоторые, вслѣдствіе именно принужденія, доходили до самоубійства. Для бл. Августина такіе примѣры ничего не значать. Убѣжденный въ законности принужденія, онъ не можетъ остановиться предъ такими неудачными единичными фактами примѣненія теоріи принужденія. „Правда, говоритъ онъ, нѣкоторымъ принужденіе не приноситъ пользы. Но неужели слѣдуетъ пренебречь медициной только потому, что болѣзнь нѣкоторыхъ неизлѣчима? Ты обращаешь вниманіе только на тѣхъ, пишетъ

онъ епископу донатистовъ Винцентію, которые до того упорны, что не воспріимчивы ни къ какой дисциплинѣ..... Но ты долженъ обратить вниманіе и на тѣхъ многихъ, спасенію которыхъ мы радуемся“. По мнѣнію бл. Августина, отказъ церкви принуждать еретиковъ только ради такихъ единичныхъ неудачныхъ случаевъ могъ бы свидѣтельствовать даже объ отсутствіи въ ней любви къ еретикамъ. „Будетъ ли это братская любовь, если изъ временнаго страха для нѣкоторыхъ, она оставитъ вѣчному огню геенскому всѣхъ?... Не лучше ли ей сохранить тѣхъ, кого она можетъ спасти, хотя погибаютъ добровольно тѣ, которыхъ она не можетъ. Она искренно желаетъ, чтобы всѣ жили, но еще болѣе старается о томъ, чтобы всѣ не погибли“. Мало этого: бл. Августинъ считаетъ возможнымъ допускать принужденіе даже и въ томъ случаѣ, если бы только одинъ былъ спасенъ, а всѣ остальные умерли. „Допустимъ, говоритъ онъ, что въ какомъ-нибудь обрушивающемся домѣ были бы очень многіе, и только одного изъ нихъ можно бы было спасти. Но въ то время, какъ заботились бы о спасеніи его, остальные сами бы себя лишили жизни; не можемъ ли мы свою печаль о другихъ утѣшить спасеніемъ, по крайней мѣрѣ, одного? Но мы не можемъ, изъ опасенія, что другіе лишатъ себя жизни, допустить погибнуть всѣхъ и не спасти ни одного“.

Но считая вообще принужденіе въ дѣлѣ обращенія невѣрныхъ и разномыслящихъ въ церковь позволительнымъ, бл. Августинъ, однако, не дошелъ до крайнихъ выводовъ. Принуждать ихъ онъ находитъ возможнымъ, только чрезъ законныхъ властей и отрицаетъ слѣдую народную ненависть. Въ рѣчахъ жъ своей паствѣ онъ убѣждаетъ православныхъ въ частныхъ

сношеніяхъ съ донатистами обращаться кротко и великодушно. Порицаетъ онъ, конечно, также и всѣ, особенно, личные, расчеты при принужденіи. Только любовь и истина должны въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію, руководить истинными членами православной церкви. „Кто, пользуясь императорскимъ закономъ, говоритъ онъ, обращаясь къ донатистамъ, не любовью исправленія, а ненавистью озлобленія преслѣдуетъ васъ, тотъ противенъ намъ. И хотя всякое земное имущество и по праву Божественному, по которому все составляетъ собственность праведниковъ, и по праву человѣческому, которое во власти земныхъ царей, можетъ быть владѣніемъ неправымъ, какъ у васъ, и потому намъ позволительно имъ пользоваться, однако это, вслѣдствіе этого закона, который земные цари, служа Христу, объявили для исправленія вашего нечестія, захочетъ овладѣть вашимъ имуществомъ, тотъ ненавистенъ намъ. Кто, далѣе, имуществомъ бѣдныхъ или базиликами собраній, которыя у васъ существуютъ, подъ именемъ церкви., завладѣетъ не по праву, а по жадности, тотъ противенъ намъ. Кто, наконецъ, принимаетъ исключенныхъ вами за какое-нибудь преступленіе или проступокъ, какъ принимаются оставляющіе ваше заблужденіе [безъ преступленія, тотъ противенъ намъ“.—Но самая главная особенность теоріи принужденія бл. Августина, также смягчающая ее, заключается въ отрицаніи смертной казни еретиковъ. Взглядъ на наказанія въ дѣлѣ вѣры не какъ на кару, а почти исключительно какъ на средство исправленія и побужденія, не допустилъ его до такого дикаго средневѣковаго вывода, хотя, какъ видѣли, это не прочь были защищать еще нѣкоторые и изъ его предшественниковъ. Въ письмѣ къ проконсулу Апрингію онъ напр. пишетъ: „Мы

знаемъ слова апостола, который говоритъ о васъ, что вы не безъ причины мечъ носите, что вы служители Божиі, наказывающіе злодѣевъ. Но иное-дѣло провинціи, иное-дѣло церкви. Управлять той должно со страхомъ, а послѣдняя должна отличатся кротостью. Если бы у меня была рѣчь съ судьей нехристіанскимъ, я бы повелъ дѣло иначе. Однако, я бы не оставилъ дѣла церкви, и, насколько онъ позволилъ, настаивалъ бы, чтобы страданія каеволическихъ рабовъ Бога, которыя должны послужить образцами терпѣнія, не были запятнаны кровью враговъ ихъ; и если бы онъ не пожелалъ согласиться, то я заподозрилъ бы его во враждебности къ религіи. Теперь же, съ тобой—дѣло другое. Мы видимъ тебя, дѣйствительно, облеченнымъ высокою властью, но также знаемъ и сыномъ христіанскаго благочестія... У насъ съ тобой дѣло общее; но ты въ немъ можешь, что я не могу. Согласись съ нами и помоги. Дѣло дошло до того, что враги церкви, обыкновенно увлекающіе неопытныхъ людей видомъ мнимыхъ гоненій, которыми даже тщеславятся, сами признаются въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ, совершенныхъ противъ каеволическихъ клириковъ... Почему ты не склоняешься на сторону болѣе предусмотрительную и къ болѣе мягкому взгляду, что прилично судьямъ дѣлать даже и не въ церковныхъ дѣлахъ? Бойся вмѣстѣ съ нами суда Бога Отца и довѣрайся кротости матери“. Въ другомъ письмѣ къ проконсулу Апрингію бл. Августинъ проситъ также, чтобы послѣдній, если хочетъ настоять на своемъ намѣреніи—казнить донатистовъ, по крайней мѣрѣ, внесъ въ акты тѣ письма, которыя онъ писалъ по этому дѣлу къ обоимъ имъ. Если же и этого не хочетъ, то пусть задержитъ виновныхъ въ темницахъ, а мы, говоритъ, „возьмемъ

на себя обратиться къ милосердію императоровъ и убѣдить ихъ, чтобы страданія служителей Божіихъ.... не были обезславлены кровію враговъ ихъ“.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

“ ” —

,

.

,

,

,

.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

•

;

•

,

,

,

;

•

(

).

,

,

,

: **info@axion.org.ru**